

СУБКУЛЬТУРА МЕЖДУ АРХАИКОЙ И ПОСТМОДЕРНОМ

Наиболее значимое понятие, которое может использоваться для анализа феномена субкультуры, — «идентичность». Это понятие из социологии и антропологии, но оно имеет еще и вполне полноценное философское, онтологическое содержание. Именно понимание идентичности разделяет и противопоставляет онтологии архаики и постмодерна. И субкультура, как специфический феномен нашего времени, является примером того, как архаика и постмодерн проявляются, встречаются, пересекаются, сталкиваются и борются в жизни многих молодых людей и даже целых поколений.

В архаике идентичность понимается как нечто данное и неотъемлемое, самоочевидное и несомненное, то, что человек обнаруживает в себе и в чем узнает себя. Человек архаического общества получает, наследует свою идентичность сразу и целиком. Всякое сомнение в своей идентичности, любые варианты ее перемены, отказ от нее ведут только к гибели носителя этой идентичности. Человек зависит от своей идентичности, он ею связан, у него нет выбора, но именно это придает целостность его самосознанию, стабильность и укорененность его бытию, конкретность и определенность смысла жизни, неизбежность его судьбы. В своей идентичности человек черпает силы для подвигов, твердость и мужество перед лицом смерти. В соответствии со своей иден-

тичностью человек понимает, что есть добро и зло, истинное и ложное, святость и грех.

В постмодерне как способе существования идентичность размывается и стирается. Идентичности множатся, смешиваются и подменяются, скользят и мерцают, происходит их релятивизация и виртуализация. В постмодерне можно сменить свою идентичность, отказаться от прежней и выбрать любую другую. Можно изменить свой язык, культуру, национальность, религию и даже пол. Можно поиграть во что-то и бросить, когда это надоест. И ничего страшного не произойдет, человек ничего не потеряет, а только приобретет — еще одну идентичность, еще какой-то опыт и в некотором смысле станет другой личностью, которую, в свою очередь, можно снова на что-то поменять.

В постмодерне идентичность определяется не через некую сущность, к которой причастен человек и которая больше и выше его (народ, религия, каста и т. п.), а как процессуальность. Причем это даже не экзистенциальность, в которой присутствует необратимость и, следовательно, трагичность, а скорее игра, спектакль, представление. Этой условной, относительной, временной идентичности более подходит термин «виртуальность». Можно быть кем угодно, и более того, совершенно все равно кем быть.

От всего можно отказаться, все можно заменить чем-то другим, потому что нет настоящих ценностей, нет ничего подлинного, нет ничего истинного. Такое возможно только при допущении, что изначально ты — никто, никем по-настоящему быть не можешь и никем никогда не станешь. Нет цели, которой хотелось бы достичь, нет образца, идеала, нет совершенства. Цель — ничто, движение — все. Вечная, бесконечная, беспредельная игра, в которой победа невозможна.

В такой мировоззренческой позиции есть некий соблазн, возможность поиска и творчества, обещание новизны и неограниченной свободы. Но в ней есть искушение, подмена,

обман, который состоит в том, что подразумевается, будто человек живет вечно и может позволить себе любые эксперименты со своей жизнью, у него всегда будет возможность переиграть. Такое предположение может позволить себе только человек, который никогда не сталкивался со смертью, своей собственной или смертью своих близких. Человек, принимающий смерть всерьез, готовый ответить на ее вызов, лишается выбора и неизбежно становится на позиции, противоположные постмодерну, он обречен на архаическое, традиционное отношение к бытию.

Все сказанное имеет прямое отношение к проблеме субкультуры. За внешней карнавальностью субкультуры, склошностью к постмодернистскому эпатажу и театральности скрывается мощное стремление к архаике, возвращение к архаике, уход и даже бегство в архаику. Это не просто желание быть кем-то, а потребность и необходимость выбора, ощущение его неизбежности и неотвратимости, осознание риска и ответственности за свой выбор.

Молодежь тонко чувствует неправду в мире взрослых, бунтует против лжи, жестокости и равнодушия, с чем сталкивается в семье и обществе. Именно в этом возрасте человек стремится к подлинности существования, так как уже ушел от утопического мировосприятия ребенка, но еще не смирился с реальностью, как многие взрослые. В отличие от ребенка, которого устраивают игра и фантазии, юноша испытывает жажду реальности, стремление к достоверности, истинности и подлинности. Его привлекает определенность, конкретность, однозначность.

Реальность — это всегда конкретное время и место, это локальность и единственность ситуации, уникальность и неповторимость момента, а также конкретные друзья и реальные враги. Получается индивидуальная линия жизни, неповторимая траектория судьбы, которая оказывается связанной с мифологическими образцами. И тогда быт пре-

вращается в бытие, участие становится участием, действие — судьбой.

То, что является настоящим, подлинным, то неотменимо, оно остается на всю жизнь. Истину не выбирают, она дается, сообщается человеку, открывается ему. Архаика предлагает человеку способ бытия, который действительно на всю жизнь. Подросток по каким-то соображениям выбирает для себя субкультуру на несколько лет, но он думает, верит, что это на всю жизнь. Однако на этот период его «тусовка» выполняет для него функции архаики.

Есть идентичность внешняя, во многом случайная, произвольная. Субъект определяется чем-то внешним по отношению к нему, это может быть социальная группа, нация. Установленное тождество может как соответствовать, так и не соответствовать настоящей сущности человека. Такая идентичность основывается на внешнем подобии, наружном сходстве, видимой тождественности.

Совпадение по виду может определяться различными причинами. Это может быть реальное родство, но также и случайное совпадение или целенаправленное подражание. Но чаще всего идентичность оказывается лишь внешним соответствием, подобием по виду, по форме. Главное — быть похожим, похожим на нечто конкретное, определенное, известное, то, что является значимым, кажется правильным. Человек пытается достичь внешнего подобия с тем, что дано, показано окружением, передано традицией.

Происходит идентификация с полом, семьей, племенем, нацией, религией. Тождественность может устанавливаться как внешнее соответствие с моделью, идеалом, образцом, с чем-то должным, установленным традицией и предписанным законом. В одном случае имеется некая данность (пол, нация, язык, культура), нечто реально существующее, пришедшее из прошлого, усвоенное, присвоенное или навязанное. В другом случае имеет место что-то новое, некоторое

задание, цель, нечто из будущего. В первом варианте образец усваивается вместе с родной традицией, так происходит в архаическом обществе. Во втором варианте акцентируется новизна, разрыв с традицией, противопоставление ей, оттачивание от нее. Так появляется субкультура. Однако и в том и в другом варианте установленное соответствие однозначно и необратимо. Здесь идентичность предстает как константа, нечто статичное, фиксированное, постоянное и неизменное. Главной процедурой в таком процессе идентификации является отражение, отображение, повторение формы. Соответственно основными категориями для осмысления идентичности будут категории визуальные: изображение, представление, имидж, видимость, иллюзия. Для идентичности в таком понимании характерны мимикрия, имитация и симуляция. Главное — казаться, а не быть.

Поэтому такое преувеличенное значение для субкультуры имеет наружность, внешний вид, облик, стиль. Внешность оказывается главным критерием идентичности. Причем у человека, входящего в субкультуру, нет выбора: либо он принимает всё и сразу, и его считают своим, принимают в группу, либо не принимает и остается вовне. В момент выбора человеком своей субкультуры предполагается, что этот выбор совершается один раз и навсегда.

Иногда даже подчеркивается необратимость совершенного выбора и вхождения в группу. Кроме внешних отличий в одежде, которую в принципе можно поменять и вернуться к прежнему виду, могут быть нанесены знаки, нестираемые и неустраняемые. Чаще всего это особая прическа, которую поменять уже не так просто, но могут быть и более радикальные способы подчеркнуть свою особость — тату, шрамирование, пирсинг, свойством которых является необратимость и неустраняемость. Знаки наносятся прямо на тело, подчеркивается серьезность и значительность сделанного выбора, готовность платить за него болью и кровью. Важным аспектом

инициации в архаике и в субкультуре является риск, опасность происходящего. Само поведение должно не просто отличаться от поведения других, в нем должно присутствовать нечто радикальное: сильные жесты, необратимые поступки. Показательно особое значение боли в субкультурах, которая не только есть в процедурах инициации, но и сопровождает человека в дальнейшем, например в драках. Боль, страдание представляется как критерий подлинности происходящего: если тебе больно — то это реально, это не сон, не компьютерная игра.

Архаическая идентичность реализуется в соответствующих социальных практиках (ритуал, обряд, церемония), которым свойственно повторение одних и тех же действий, отказ от выбора, от поиска нового. Человек хочет быть именно таким, этим и никем другим. Все иные варианты, любые другие образцы и стандарты будут неприемлемыми, так как они предстают чужими, враждебными, антагонистическими. Для внешней идентичности характерно резкое противопоставление своего и чужого, все непохожее вообще не считается человеческим. Нечто аналогичное происходит и в субкультуре.

Таким образом, идентичность как похожесть, схожесть может оказаться неустойчивой, иллюзорной, ложной, так как основывается на внешнем отождествлении, уподоблении, подражании, не затрагивая вопроса о внутреннем сходстве, единой сущности. Идентичность может быть навязана, внушена, принята для каких-либо целей. И тогда возникает несоответствие внешнего и внутреннего, формы и содержания, проявления и сущности. Идентичность нарушается, образ себя разрушает, происходит кризис идентичности.

Существует парадокс субкультуры, некоторое неустрашимое противоречие в самой ее сущности. С одной стороны, у представителей субкультуры очевидны неудовлетворенность современностью, модерном и стремление к подлинности бытия. Тогда становится естественным возвращение

к архаике, сознательное или бессознательное воспроизводство архаического способа человеческого бытия, чаще отдельных его элементов. С другой стороны, несомненна неспособность субкультуры удержаться на заданном уровне целиком и навсегда. Неизбежно происходит ее выпадение из архаики в постмодерн.

Есть некий вирус, яд постмодерна, которым изначально отравлена субкультура. Это и очевидная театральность, и переменчивость моды, и возможность выбора и даже смены своей группы: попробовал здесь, потом — там. На недостаточную серьезность бытия человека в субкультуре указывает и небольшой возрастной промежуток в 3–5 лет, которые молодой человек посвящает своим поискам и экспериментам. Потом он выбирает либо современный образ жизни, против которого недавно бунтовал, либо конкретную традицию, религиозную или национальную.

В этом выражается принципиальное и неустранимое противоречие человеческого бытия. С одной стороны, идентичность — это некая данность, действующая причина, принуждающая к чему-то. Идентичность не произвольна, она некоторым образом выражает природу, сущность человека. С другой стороны, для человека важны поиск нового и открытость неизвестному, возможность выбора и способность к трансценденции, то есть свобода.

Этот парадокс разрешается в религиозной теории и практике, в мистических и аскетических традициях. В мировых религиях, в наибольшей степени в христианстве, идентичность предстает как трансцендирование, выход человека за пределы самого себя, проявление трансцендентного, высшего, Абсолюта, открытости человеческой природы и ее причастности к Абсолюту. Подлинная идентичность трансцендентна, так как выходит за пределы всякого возможного в сущем опыта.

Неверно считать, что человек есть то, что он есть. Человек всегда есть то, что он не есть, но чем он может стать. И более того, человек есть то, чем он стать не может. Только сверхбытие открывает перед человеком возможность невозможного при условии взаимного встречного движения личности и Личности. Идентичность должна быть соотнесена с такими феноменами полного трансцендирования, как преобразование, спасение и обожение, которые могут быть реализованы только в контексте христианства.